

Пресвятая Богородица, спаси нас!

ГОСТИНО, Богородское тожд

Газета Богородицерождественского храма г. Королёва

Храм создан в 1689 г. Разрушен в 1954 г. Возрожден в 2005 г.

Издаётся по благословию Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия

№12 (98), декабрь 2016 г.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Мы празднуем Рождество Христово, мы вспоминаем великое событие — пришествие в мир Господа. Он не принёс какой-то новый закон — Он напомнил о подлинном содержании того Божественного закона, который был вручён Богом Моисею, но затем в течение долгих столетий стал пониматься людьми только через призму многочисленных внешних предписаний. Сам вектор духовной жизни был настолько искривлён, что практически не оставалось надежды на спасение. И Господь приходит, как Он Сам говорит, не для того чтобы отменить древний Божественный закон, но чтобы этот закон исполнялся людьми (см. Мф. 5:17). Всё Его учение даёт нам понимание того, во что нужно верить и как нужно жить, чтобы в своей жизни осуществлять Божественный закон.

Люди строят свою жизнь по законам, по предписаниям, по правилам. И чем сложнее становится человеческое общежитие, чем сложнее становится человеческая цивилизация, тем больше появляется правил — профессиональных, корпоративных, разного рода инструкций, государственных законов. Любая сторона жизни людей строго регламентируется, и если эти законы, предписания, инструкции не исполняются, то человек либо порицается, либо лишается работы, либо вообще теряет свободу.

А что же происходит с тем законом, который людям дал Бог? Сегодня нас учат, что такой закон и вовсе не существует и можно вести себя так, как ты сам хочешь, — никаких предписаний и правил! И что же получается? Есть инструкции, как убирать офисы, как управлять лифтами, как управлять уличным движением, но нет никаких правил, по которым можно и нужно управлять своей внутренней духовной жизнью, своей нравственной сущностью. Конечно, подобные правила появляются, но они не носят обязательный характер, потому что не связаны ни с каким авторитетом, кроме человеческого. Но любой может сказать: почему я должен строить свою внутреннюю жизнь, свои отношения с другими, свои семейные отношения по каким-то правилам, изобретенным другим человеком? И он будет прав.

Но ведь неслучайно был дан закон Моисею, и неслучайно этот закон во всей силе обновил

Господь, придя в мир. Потому что этот закон, данный Богом и регулирующий внутреннюю нравственную жизнь человека, имеет абсолютный божественный авторитет, и так было на протяжении столетий и даже тысячелетий. Более того, светские законы имели своим основанием этот нравственный Божественный закон. В юриспруденции есть понимание связи нравственности и права. Не может существовать право в отрыве от нравственности. А сегодня нам говорят: никакого нравственного закона, обязательного для всех, не существует.

А при каком условии люди дерзнули провозгласить отмену этого нравственного закона? Это можно было сделать только в том случае, если люди отказываются от Бога. Тогда нравственность становится относительной — она привязывается к авторитету политиков, философов, поп-звезд. Подражая таким «героям», люди начинают копировать и их образ жизни, но это всё частности, не имеющие отношения ко всему обществу, ко всему роду человеческому.

Нравственный закон может быть обязательным для всех только в том случае, если он основывается на Божественном законе. Вот для того чтобы этот нравственный закон уничтожить и превратить нравственную жизнь в неуправляемую стихию, и надо было отказаться от идеи Бога. У этого богоборчества не просто философская задача, как нас пытались убедить. Вера в Бога имеет совершенно конкретное осуществление в жизни каждого человека, потому что если ты в Бога не веришь, у тебя нет никакого абсолютного нравственного закона. Твоя внутренняя стихия раскрепощается, ты можешь творить, что хочешь. А разве не это мы наблюдаем сегодня в жизни нашего народа, — может быть, в меньшей степени в жизни нашего народа, если посмотреть на всё то, что в мире происходит.

Когда мы празднуем Рождество, мы исповедуем свою веру в Бога. Мы вновь и вновь говорим всему миру, что Бог пришёл в этот мир, Господь воплотился, чтобы обновить нравственный закон, без которого невозможна жизнь личности, общества и всей человеческой цивилизации. Но для того чтобы закон был обновлён, чтобы он заработал, нужно поверить в Бога. И кто же нам поможет поверить?

Есть такая сила, помимо умных книг и хороших проповедей в храме, — это наша совесть, это наше врождённое нравственное чувство, которое странным образом не совпадает ни с какими частными нравственными концепциями, изобретаемыми людьми, но точно совпадает с Божиим законом. Божественные заповеди как будто отпечатаны в нашей внутренней матрице, как будто из них соткано наше нравственное начало. А ведь так оно и есть. И потому самым величайшим доказательством бытия Божия является признание наличия этого нравственного внутреннего закона, которое опознаётся голосом совести, но подтверждается тем письменным законом, который Бог принёс роду человеческому.

Поэтому сегодня то дело, которым занимается Церковь, проповедь, которую она обращает к миру, имеет огромное, эпохальное значение. Если эта проповедь будет усваиваться всё большим и большим количеством людей, у нас есть надежда на будущее, потому что при всех разнообразных проблемах, конфликтах, противоречиях люди всегда смогут найти общий язык, если у них есть общие нравственные ценности. Тогда можно предотвратить большие и глобальные войны, можно распутать самые сложные проблемы, связанные с современным уровнем развития техники и всего того, что сопровождает нашу жизнь. Всё можно решить, если есть некий общий нравственный консенсус. Но этот консенсус невозможен, если мы отказываемся от Бога, потому что ни один самый умный и самый авторитетный человек такой консенсус обеспечить не может.

Пусть слова Церкви силой благодати Божией усваиваются умами и сердцами наших людей. Я внимательно наблюдаю за религиозным состоянием нашего общества и могу сказать, что происходят перемены. Может быть, не так быстро и не так масштабно, как хотелось бы, но даже то, что мы видим сегодня, очень и очень вдохновляет, ведь возрождение веры происходит не в максимально благоприятных условиях, а в условиях, когда на человека обрушивается враждебный, безбожный информационный поток. И потому реальным чудом можно назвать не только то, что произошло в 90-е годы, чему были какие-то человеческие объяснения, но и то, что сегодня происходит, в том числе, в среде нашей молодёжи и среднего поколения.

Праздник Рождества Христова вводит нас в понимание того, что означает пришествие в мир Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, а потому этот праздник, помимо всего того, что ему сопутствует — и радость, и веселье, в первую очередь обновляет нашу веру, обновляет наше понимание того, что такое быть христианином, помогает нам лучше понять, прочувствовать, принять к сердцу спасительную миссию Господа нашего Иисуса Христа.

И в этот радостный день Рождества Христова я хотел бы пожелать всем вам, народам исторической Руси, державе Российской, каждой семье, каждому человеку милости Божией, вне зависимости от того, понимает человек, что такое милость Божия или не понимает, принимает он такую или не принимает. Я от всего сердца желаю милости Божией, чтобы через эту милость изменялись сердца человеческие, являлась красота Божиего творения, являлся нам Божественный лик.

С праздником Рождества Христова всех вас поздравляю!

Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла на Рождество Христово в Храме Христа Спасителя

СВОБОДА ВЫБОРА

Шестилетнему малышу родители дали два яблока, чтобы он поделился с братиком. Одно яблоко было хорошее, другое — чуть-чуть похуже.

Нужно ли говорить, кому какое яблоко досталось?

Родители объяснили сыну, что ему следовало бы яблоко, которое похуже, оставить себе. А братику, «вы же близнецы!», отдать по-лучше, потому что... Для убедительности были произнесены такие слова, как «ближний», «Бог» и «любовь».

Ребёнок всё выслушал, потом кротко спросил: «А почему вы не дали братику, чтобы он поделился со мной?»

Перед другим мальчиком, вернее, юношей, учеником десятого класса, лежали на столе учебники, домашнее задание и книжка с картинками. Вместо книги там мог бы оказаться мобильник или планшет с приложениями. Школьнику надлежало сделать уроки на завтрашний день. А если останется время, хорошо бы ещё помочь родителям по дому.

Надо ли говорить, что уроки были выполнены кое-как, перед самым сном, и ни о какой помощи по дому даже речь не шла. Потому что всё время у юноши «съела» книжка... с картинками.

И там, и там дети поступили по своему свободному выбору. Никто над ними не довлел.

Одной из важнейших христианских добродетелей, если не самой важной, Церковь называет рассуждение. Какой помысел откуда к нам приходит. Ведь каждый по опыту знает: иногда мысли нас посещают самые неожиданные. Человек порой даже вздрогнет, что ему пригрезилось! А вдруг кто-нибудь подслушал?! Правильная реакция на такой помысел только одна: «Господи, помилуй!»

После рассуждения всегда следует свободный выбор, как поступить. Понятно, что несовершенство никакого действия — тоже действие.

Так работает душа и на интуитивном младенческом уровне, и в случае умудрённого жизненным опытом старца.

Перед нашими общими прародителями, Адамом и Евой, в раю тоже стоял выбор: вкусить или не вкусить запретный плод? Было и размышление. Ведь им было сказано: вкусите — смертью умрёте, нет — будете жить вечно и будете счастливы (ср. Быт., 1:28; 2:16–17).

Почему вкусили? Почему был сделан гибельный выбор? Причин несколько. Да, Адам и Ева были несовершенны. Бог их сотворил лишь по Своему подобию (Быт., 5:1), а не «по образу Нашему и по подобию Нашему», хотя такое намерение и было (Быт. 1:26). В «образ» Божий им ещё только надлежало войти с течением времени.

Но главная причина, которая, впрочем, целиком вытекает из первой, состояла в том, что они Бога не любили. Отсюда и непослушание. Это Бог их любил. Бог возлюбил вообще всё Своё творение (Ин., 3:16), всю Вселенную. Только вздуматься: Бог одновременно и Всемогущий, и Любовь! (1 Ин., 4:8). Всё может. Кроме одного — насильно заставить нас любить Его.

И вовсе не потому, что всемогущества не хватает. Всемогущества Богу не занимать. А потому не может, что любит нас. Ну, может ли любящий родитель, в здравом уме, связать сына или дочь по рукам и ногам, чтобы, не отвлекаясь, смиренно сидели и учили уроки? Или супруг — заставить жену любить его?

Бог любит нас, но драгоценны мы Ему, лишь пока Он надеется, что мы в земной

ещё жизни придём к Нему свободно, самостоятельно, с покаянием: «Прости, мол, меня, Господи, недотёпу окаянного! Вот, столько лет был, точно глухой и слепой, не видел Тебя и даже слышать о Тебе не хотел! Только сейчас вдруг «проклюнулось» моё сердце окаменелое любовью к Тебе! Как будто повязка спала с глаз, я увидел Тебя. Ты — есть! Какое счастье, что увидел!»

Бог каждого ждёт вот с таким «проклюнувшимся» сердцем. Ждёт с любовью, надеждой, долготерпением.

Бог нас ждёт творчески. Окружает нас обстоятельствами, в виде подсказок. В чём-то — подаёт, в чём-то — отнимает. Другое дело, что сами мы, очарованные житейскими переживаниями, ничего для себя «не засекаем». Нам кажется, будто мир наш — хаос, сам по себе, и мы среди этого хаоса — сами по себе. Нет в нём ничего поучительного для прозрения души. И завершается земная жизнь, если не увидим и не полюбим Бога, — пустоцветом.

А можно ли, зная, что Бог есть, не любить Его?

Сколько угодно! В притче о сеятеле (Лк. 8:5–15) — как раз об этом. Многие семена попадают на каменистую почву и в терние. Какой от них прок? Это — люди настроения. Только и говорят: «Господи! Господи!» (Мф., 7:21). «Временем веруют, а во время искушения отпадают... или заботами, богатством и наслаждениями... подавляются» (Лк. 8:13–14). И волю Бога не исполняют. И слышат приговор: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф., 7:22–23).

Любовь — это не знания, которые человек приобретает в течение жизни. Любовь — это дар Божий, с которым человек рождается или который приходит вдруг неизвестно как и откуда. Человек не любил, не любил, и — вдруг понял: любит! На самом-то деле всё понятно: благодать Божия осияла человека, Святой Дух, как лучом, прожёт его душу и оставил в ней след в виде вот этого плода Святого Духа (Гал. 5:22–23), имя которому — любовь.

Но начинается всё с веры: да, есть Бог. Вера ведь тоже — дар Божий, плод Святого Духа. Этот дар нельзя ни заработать, ни заслужить. Как и любовь. Веру можно только вымолить.

И вот — счастье! Вера говорит: Бог есть! Что же дальше? «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный», — отвечает Бог (Мф., 5:48).

А что такое — совершенство? Например, про супругов говорят: «Это — идеальная (совершенная) пара! Исключительно любят друг друга!»

Вот этого-то и ждёт Бог от каждого из нас — любви. Исключительной.

Человек восходит к Богу по триаде: вера, любовь, совершенство. Или, что то же самое: вера, любовь и любовь исключительная (Мф. 10:37).

Кто не мечтал (или не мечтает) о любви? Причём не просто, как это слышим о ком-нибудь: «он любит, а она — не очень». Или: живут люди, вроде мирно, не ссорятся, не дерутся. А спросишь: «Любите ли друг друга?» — плечами пожмут. Не задумывались. Но мечтается-то как раз о такой любви, необыкновенной, чтобы — да, жизнь отдать, не только не жалко, а просто — потребность какая-то неистребимая! Именно жизнь, самое дорогое, что есть, и не меньше! Потому что всё остальное — тлен, ничто.

Вот о такой любви и мечтает Бог. Такой любовью Он Сам нас любит, каждого из нас! (Ин., 3:16), и о такой нашей любви к Нему мечтает!

Но как быть: вера, слава Богу! — появилась, а любви всё нет и нет...

Не унывать! Совершать дела веры. «Вера без дел мертва» (Иак. 2:26). Только чтобы это стало твоим свободным выбором. Для этого-то в триаде между верой и любовью как раз отведено огромное пространство — дела: Заповеди Божии, без которых вера мертва и в любовь не «проклёвывается». Итог ошибочного выбора — тот же пустоцвет.

Дела веры — это дела самопринуждения. Сделать правильный выбор (свободный!) помогает совесть. Кто умеет её слушать — не ошибётся.

Аналогичное пространство существует также между любовью и любовью исключительной. Только здесь уже никакого принуждения нет и в помине. Дела любви — это Божии дела. Они свободно и размеренно скользят по орбитам времени, перемежаясь разве что благодарными радостными вздыханиями подвижника, обращёнными к Небу, с бессчётными метаниями крестного знамения.

И вот — мы. Стоим в храме. Молимся, причащаемся. Мы тоже — в триаде. И радуемся, что сделали правильный выбор. Раз и навсегда. Бога полюбили и поставили себе цель: быть с Богом в Раю.

Даже непонятно, о чём так переживали подвижники в прошлом, когда читаем жития святых. Да, мечтали спастись. Но и спаслись, раз стали святыми! Мы тоже спасёмся. Это — наш свободный выбор: молимся, исповедуемся, причащаемся. А что, что-то ещё надо для спасения?

Да, мы помним: там ещё есть дела веры, дела любви. Святые, что жили до нас, все эти дела совершили. Заповеди Божии. Но и мы их выполняем! По силе возможностей. Стараемся «любить Бога и ближнего».

А ближний — это кто? — когда одни разбойники кругом! Господь рассказал притчу о милостивом самарянине (Лк. 10:30–37). Там ближним был добрый самарянин. Он помог человеку, «попавшемуся разбойникам».

И в притче всё хорошо сошлось. Пришёл, увидел, помог. А кому помог, он подумал об этом? Вот то-то. А может быть, кому он помог, был тоже разбойник? Шли себе разбойники, повздорили, ну и так далее. Да может, этот-то ещё и самым лютым был разбойником! Вздумал погубить товарищей, чтобы забрать себе всю добычу, но те его опередили. А?

Но так, оказывается, вообще рассуждать нельзя. Грех! Никаких «может быть» и никаких разбойников! Бог нам дал ясный образец ближнего: Самарянин! С точки зрения иудеев, самаряне по своему достоинству мало чем превосходили животных. Впрочем, и те платили иудеям той же монетой. Так вот, Господь Своей притчей всё поставил на места: «Иудеи, не превозносите! Самаряне, не дерзите! Проявляйте милость друг к другу! Только этого ждёт от вас Бог».

Вот с этого, пожалуй, и мы начнём свои «дела веры»: с самопринуждения. Примерим на себя роль «милостивого самарянина» в качестве жизненного принципа. И если она нам, с Божией помощью, полюбится, то это и станет нашим самым главным свободным выбором, ведущим в Царство Небесное.

*Настоятель храма
протоиерей Борис Куликовский*

РОЖДЕСТВО

На улицах — сугробы, всё бело. На крышах, на заборах, на фонарях — вот сколько снега! С крыш свисает. Висит — и рухнет мягко, как мука. Ну, за ворот засыплет. Дворники сгребают в кучи, свозят. А не сгребай — увязнешь. Тихо у нас зимой и глухо. Несутся санки, а не слышно. Только в мороз, визжат полозья.

Перед Рождеством, дня за три, на рынках, на площадях, — лес ёлок. А какие ёлки! Этого добра в России сколько хочешь. У нашей ёлки... как отогреется, расправит лапы, — чаща. На Театральной площади, бывало, — лес. Стоят, в снегу. А снег повалит, — потерял дорогу! Мужики, в тулупах, как в лесу. Народ гуляет, выбирает. Собаки в ёлках — будто волки, право. Костры горят, погреться. Дым столбом. Сбитенщики ходят, аukaются в елках: «Эй, сладкий сбитень! калачики горячи!..» В самоварах, на долгих дужках, — сбитень. Сбитень? А такой горячий, лучше чая. С мёдом, с имбирём, — душисто, сладко. стакан — копейка. Калачик мёрзлый, стаканчик сбитню, толстенький такой, гранёный, — пальцы жжёт. На снежку, в лесу... приятно! Потягиваешь понемножку, а пар — клубами, как из паровоза. Калачик — льдышка. Ну, помакаешь, помягчает. До ночи прогуляешь в ёлках. А мороз крепчает. Небо — в дыму — лиловое, в огне. На ёлках иней. Мёрзлая ворона попадётся, наступишь — хрустнет, как стекляшка. Морозная Россия, а... тепло!..

В Сочельник, под Рождество, — бывало, до звезды не ели. Кутью варили, из пшеницы, с мёдом; взвар — из чернослива, груши, шепталы... Ставили под образа, на сено. Почему?.. А будто — дар Христу. Ну... будто Он на сене, в яслях. Бывало, ждёшь звезды, протрёшь все стекла. На стёклах лёд, с мороза. Вот, брат, красота-то!.. Ёлочки на них, разводы, как кружевное. Ноготком протрёшь — звезды не видно? Видно! Первая звезда, а вон — другая... Стёкла засинелись. Стреляет от мороза печка, скачут тени. А звезд всё больше. А какие звезды!.. Форточку откроешь — резанёт, ожжёт морозом. А звезды!.. На чёрном небе так и кипит от света, дрожит, мерцает. А какие звезды!.. Усатые, живые, бьются, колют глаз. В воздухе-то мёрзлость, через неё-то звезды больше, разными огнями блещут, — голубой хрусталь, и синий, и зелёный, — в стрелках. И звон услышишь. И будто это звезды — звон-то! Морозный, гулкий, — прямо, серебро. Такого не услышишь, нет. В Кремле ударят, — древний звон, степенный, с глухотой. А то — тугое серебро, как бархат звонный. И всё запело, тысяча церковей играет. Такого не услышишь, нет. Не Пасха, перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пенёк, без конца-начала... — гул и гул.

Ко всенощной. Валенки наденешь, тулупчик из барана, шапку, башлычок, — мороз и не шиплет. Выйдешь — певучий звон. И звезды. Калитку тронешь, — так и осыплет треском. Мороз! Снег синий, крепкий, попискивает тонко-тонко.

Александр Левченков. «Утро Нового года», 1999 г.

По улице — сугробы, горы. В окошках розовые огоньки лампадок. А воздух... — синий, серебрится пылью, дымный, звёздный. Сады дымятся. Берёзы — белые виденья. Спят в них галки. Огненные дымы столбами, высоко, до звезд. Звёздный звон, певучий, — плывёт, не молкнет; сонный, звон-чудо, звон-виденье, славит Бога в вышних, — Рождество.

Идёшь и думаешь: сейчас услышу ласковый напев-молитву, простой, особенный какой-то, детский, тёплый... — и почему-то видится кроватка, звезды.

Рождество Твое, Христе Боже наш,
Возсия миру Свет Разума...

И почему-то кажется, что давний-давний тот напев священный... был всегда. И будет.

На уголке лавчонка, без дверей. Торгует старичок в тулупе, жмётся. За мёрзлым стёклышком — знакомый Ангел с золотым цветочком, мёрзнет. Осыпан блеском. Я его держал недавно, трогал пальцем. Бумажный Ангел. Ну, карточка... осыпан блеском, снежком как будто. Бедный, мёрзнет. Никто его не покупает: дорогой. Прижался к стёклышку и мёрзнет.

Идёшь из церкви. Всё — другое. Снег — святой. И звезды — святые, новые, рождественские

звёзды. Рождество! Посмотришь в небо. Где же она, та давняя звезда, которая волхвам явилась? Вон она: над Барминихиным двором, над садом! Каждый год — над этим садом, низко. Она голубоватая, Святая. Бывало, думал: «Если к ней идти — придёшь туда. Вот, прийти бы... и поклониться вместе с пастухами Рождеству! Он — в яслях, в маленькой кормушке, как в конюшне... Только не дойдёшь, мороз, замёрзнешь!» Смотришь, смотришь — и думаешь: «Волсви же со звездою путеше-эствуют!..»

Волсви?.. Значит — мудрецы, волхвы. А маленький я думал — волки. Тебе смешно? Да, добрые такие волки, — думал. Звезда ведёт их, а они идут, притихли. Маленький Христос родился, и даже волки добрые теперь. Даже и волки рады. Правда, хорошо ведь? Хвосты у них опущены. Идут, поглядывают на звезду. А та ведёт их. Вот и привела. Ты видишь, Ивушка? А ты зажмурься. Видишь — кормушка с сеном, светлый-светлый мальчик, ручкой манит? Да, и волков... всех манит. Как я хотел увидеть!.. Овцы там, коровы, голуби взлетают по стропилам... и пастухи, склонились... и цари, волхвы... И вот подходят волки. Их у нас в России мно-го!.. Смотрят, а войти боятся. Почему боятся? А стыдно им... злые такие были. Ты спрашиваешь — впустят? Ну, конечно, впустят. Скажут: ну, и вы входите, нынче Рождество! И звёзды... все звёзды там, у входа, толпятся, светят... Кто, волки? Ну, конечно, рады.

Бывало, гляжу и думаю: прощай, до будущего Рождества! Ресницы смёрзлись, а от звезды всё стрелки, стрелки...

Зайдёшь к Бушую. Это у нас была собака, лохматая, большая, в конуре жила. Сено там у ней, тепло ей. Хочется сказать Бушую, что Рождество, что даже волки добрые теперь и ходят со звездой... Крикнешь в конуру: «Бушуйка!» Цепью загремит, проснётся, фыркнет, посунет мордой, добрый, мягкий. Полижет руку, будто скажет: да, Рождество. И — на душе тепло, от счастья.

Мечтаешь: Святки, ёлка, в театр поедем... Народу сколько завтра будет! Плотник Семён кирпичиков мне принесёт и чурбачков, чудесно они пахнут ёлкой!.. Придёт и моя кормилка Настя, сунет апельсинчик и будет целовать и плакать, скажет: «Выкормочек мой... растёшь»... Подбитый Барин придёт ещё, такой смешной. Ему дадут стаканчик водки. Будет махать бумажкой, так смешно. С длинными усами, в красном картузе, а под глазами «фонари». И будет говорить стихи. Я помню:

И пусть ничто-с за этот Праздник
Не омрачает торжества!
Поднёс почтительно-с проказник
В сей день Христова Рождества!

В кухне на полу рогожи, пылает печь. Теплится лампадка. На лавке, в окорёнке оттаивает поросёнок, весь в морщинках, индюшка серебрится от морозца. И непременно загляну за печку, где плита: стоит?.. Только под Рождество бывает. Огромная, во всю плиту, — свиная! Ноги у ней подрублены, стоит на четырёх култышках, рылом в кухню. Только сейчас втащили, — блестит морозцем, уши не обвисли. Мне радостно и жутко: в глазах намёрзло, сквозь беловатые ресницы смотрит... Кучер говорил: «Велено их есть на Рождество, за наказание! Не давала спать Младенцу, всё хрюкала. Потому и называется — свинья! Он её хотел погладить, а она, свинья, щетинкой Ему ручку уколола!» Смотрю я долго. В чёрном рыле — оскаленные зубки, «пятак», как плошка. А вдруг соскочит и загрызёт?.. Как-то она загромычала ночью, напугала.

И в доме — Рождество. Пахнет натёртыми полами, мастикой, ёлкой. Лампы не горят, а всё лампадки. Печки трещат-пылают. Тихий свет, святой. В холодном зале таинственно темнеет ёлка, ещё пустая, — другая, чем на рынке. За ней чуть брезжит алый огонёк лампадки, — звёздочки, в лесу как будто... А завтра!..

Иван Шмелёв

Печатается в сокращении

Борис Кустодиев. «Зима», 1916 г.

МОРОЗНАЯ СИМФОНИЯ

У большинства из нас с детства самые-самые любимые праздники Новый год да Рождество! Ещё бы — именно в эти волшебные дни малыши впервые начинают верить в чудо, в исполнение светлой, заветной мечты. И дальше, сколько бы ни стукнуло тебе лет — семнадцать или семьдесят, отсвет этого чуда живёт в душе... Особенно — в чувствительной душе художника, который и сам то ведь умеет творить чудеса, превращая просто краски, ткань, бумагу, кусок дерева или металла в образ, волнующий сердце.

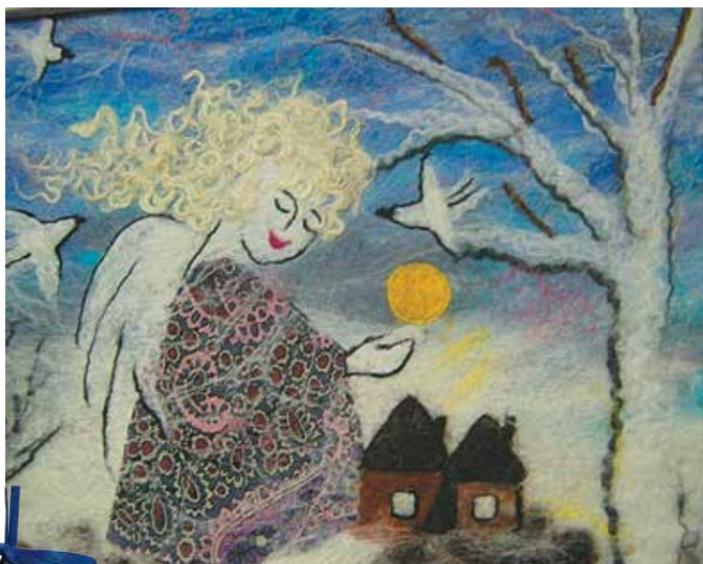
На выставке «Морозная симфония», открывшейся в выставочных залах краеведческого отделения Королёвского исторического музея, можно увидеть более 300 произведений королёвских живописцев, графиков, мастеров прикладного искусства. Лучшие королёвские живописцы — Ульяна Маринина, чета Поликарповых, Анастасия Гордеева, Игорь Химич — поделились с нами зимним своим, но очень разным настроением. Впрочем, о вкусах не спорят: кому-то ближе живопись Геннадия Коровина, Станислава Бабюка, Юрия Кунавина, Марии Сизовой, Елены Пилипер или Михаила Демидова. В краткой заметке невозможно даже перечислить всех живописцев, чьи работы украсили стены камерных залов — приходите и любуйтесь, благо музей находится в двух шагах

от нашего храма — ул. Ильича, дом 1. Тем более что творцы не остались равнодушны к красоте храма в зимнюю пору: Евгений Лапшин изобразил его дважды, с необычных ракурсов и в разное время суток.

Не отстали от живописцев и прикладники: трудно даже перечислить техники, в которых они работают, и материалы, которые при этом используют. Например, Юрий Смирнов целую серию своих работ в технике резьбы по дереву посвятил духовной тематике: здесь и барельефы «Спас», «Георгий Победоносец», «Петр и Павел», и даже часы с изображением первых русских святых Бориса и Глеба. Да и ангелы по залу, как и положено к Рождеству, мелькают тут и там: на ёлочных шариках, в технике декупажа украшенных Татьяной Судариковой, а также смастерённые из бересты Татьяной Устиновой, сотворённые с помощью фелтинга (по-простому — валяния из шерсти), квиллинга (бумагокручения) и ещё Бог знает каких ухищрений. Хороши скульптура, керамика, изделия в лоскутной технике, вышивки Татьяны Цукановой, Тамары Баландиной, Ольги Межневой, жостовские подносы Дианы Пилипер, батики Елены Дорожкиной. Как большие ажурные снежинки, расположились в витринах вязаные крючком салфетки. А как поднимает настроение один взгляд

на композицию «Снегири», выполненную Еленой Ключевой в смешанной технике с обилием алого бисера! Не забыли мастера и королёвских красавиц, мечтающих об обновке к празднику: выбор бижутерии из бисера, кожи, натуральных камней и даже шерсти позволит подобрать украшение к новогоднему наряду любого стиля. А какие оригинальные, неповторимые работы из стекла, (иногда — в союзе с деревом) продемонстрировала Анастасия Крылова! По смелости задумки и виртуозности исполнения они украсили бы любой выставочный зал столицы. Очень нарядна и необычна точечная роспись по стеклу Снежаны Жуковой: несмотря на вьюгу за окном, её сосуды и блюда заставляют вспомнить искусство далёких экваториальных островов. И конечно, на выставке множество Дедов Морозов и новогодних ёлок. Но моё сердце покорила одна маленькая, скромная «Ёлка-Макарошка», исполненная Галиной Хромовой из... фигурных макарон-бантиков. Так от этой ёлочки веет домашним теплом, такой она внушает непобедимый оптимизм... Но, возможно, вашими «фаворитами» среди изделий 60 земляков станут совсем другие произведения? Проверьте: выставка работает до 31 января.

Светлана Попова, фото автора

Главный редактор: настоятель Богородицерождественского храма протоиерей Борис Куликовский

Ответственный редактор: Светлана Попова

Дизайн, вёрстка: Александр Опалев

Корректор: Татьяна Хохлова

Адрес редакции: 141080, г. Королёв, Московская область, ул. Калининградская, д. 1. Тел.: (498) 602-91-80. www.hramvkostino.ru

Подписано в печать: 26.12.2016

Отпечатано в ООО «Витапресс Графикс». 141070 г. Королёв, ул. Пионерская, д. 2. Заказ №4213 от 26.12.16. Тираж 300 экз. Объём 1 п.л. Печать офсетная.

Банковские реквизиты храма:

Получатель: Богородицерождественский храм
ИНН 5018023872 КПП 501801001
ОСБ 2570 г. Королёв
Банк получателя:
Сбербанк России г. Москва
р/с 40703810240170100159
к/с 30101810400000000225
БИК 044525225

Газета издаётся с ноября 2008 г.

Не используйте это издание в бытовых целях и не выбрасывайте его.

Если этот номер вам стал не нужен, подарите его или принесите в храм.